

В самом сердце города, в кофейне, где царили изысканность и высокие стандарты, Шан Сюэянь нашёл себе работу. Это было не простое место, оно требовало от сотрудников не только умений, но и безупречной внешности.

Зарплата здесь была ощутимо выше, чем на обычной подработке, и несравнимо выше тех грошей, что он получал, развозя заказы. Неудивительно, что среди парней, трудившихся здесь, было немало статных красавцев, и получить лишнюю смену было делом нелёгким.

Шан Сюэянь начинал свой день в 9:00, и его смена длилась до 14:30. Едва закончив в кофейне, он стремительно переодевался в синий рабочий жилет, надевал каску и готовился к новой роли – развозить еду.

По пути к очередному заказу, проезжая мимо старинного храма, окутанного дымкой ароматных благовоний, Шан Сюэянь замедлил ход своего электросамоката.

Несколькими доставками позже, прервав поток заказов, он направился к храму на своём издававшем виды электросамокате. Оставив шлем и средство передвижения на стоянке, позаботившись о своём облике у входа, он взял три благовонные палочки, зажёл их и вошёл в главный зал.

Дождавшись, когда предыдущий молящийся встал с коврика, Шан Сюэянь ступил вперёд, опустил на колени, обратил взгляд на торжественную и сострадательную Бодхисаттву Гуаньинь, закрыл глаза и от всего сердца произнес своё желание.

Тысячу лет назад он был счастлив. Сейчас Шэнь Мэнкунь был ещё более обездолен, чем он. Дожил ли его старший брат до этих времён после собственной кончины, он не знал, но желал ему лишь одного – прожить достойную жизнь. В идеале, чтобы оба родителя были живы и здоровы, любили его, не знали нужды ни в еде, ни в одежде.

Шан Сюэянь молился Бодхисаттве.

В прошлой жизни его дни проходили в праздности и утехах, без каких-либо выдающихся деяний. Но его старший брат, в восемнадцать лет блестяще выдержав императорский экзамен, уже в юности зарекомендовал себя как выдающаяся личность.

За два года он стал местным чиновником, восстанавливал справедливость, изгонял зарвавшихся вельмож и наказывал взяточников. Он трудился не покладая рук, неустанно, и пользовался глубокой любовью народа. В конце концов, он погиб, защищая людей, находящихся под его покровительством. С таким багажом заслуг в прошлой жизни, было совершенно естественно желать ему мирной и благополучной жизни в этой.

Бодхисаттва Гуаньинь смотрела на него с добрым и мягким выражением лица. Шан Сюэянь, взирая на неё, смиренно просил: даже если его старшему брату суждено пережить ещё множество невзгод, он готов принять их все на себя. Шан Сюэянь мог бы прожить в бедности и лишениях, лишь бы защитить своего брата.

Закрыв глаза и трижды благоговейно поклонившись, Шан Сюэянь встал, держа в руке три догорающие благовонные палочки.

Зал Бодхисаттвы Гуаньинь, помимо главного входа, имел боковые двери слева и справа, ведущие во внутренний двор. Выпрямившись, Шан Сюэянь, не оборачиваясь, направился к восточным дверям.

В тот же миг, высокий молодой человек, держа в руках три красные благовонные палочки, ступил на выветренные каменные плиты в своих тёмных кожаных туфлях, переступил порог и медленно вошёл в зал Гуаньинь.

Пожилая женщина, закончив свою молитву, медленно выпрямила ноющую спину, опираясь на колени. Увидев входящего юношу, она замерла от удивления.

Ему, казалось, было совершенно неведомо почтение к богам.

Когда женщина ушла, вперёд шагнул Шан Сяньван. На его безупречном пиджаке изящно смотрелась мягкая линия плеча. Он медленно присел на корточки, отчего на брюках образовались неровные складки.

Шан Сяньван опустился на колени перед алтарём и обратился со своей молитвой к Бодхисаттве.

Он молил Бодхисаттву о благополучии своего младшего брата, Шан Сюэяня, о том, чтобы тот прожил свою жизнь в безопасности, здоровье и счастье. Закончив молитву, Шан Сяньван трижды благоговейно поклонился. Затем, держа в руке три благовонные палочки, он вышел через восточную дверь зала Гуаньинь.

За восточными воротами открывался вид на традиционный дом с внутренним двором и двумя главными залами по обеим сторонам. Левым был Зал Небесных Царей, где почитали бодхисаттву Майтрею и Четырёх Небесных Царей, а правым — Зал Будды Медицины, в котором стояла статуя Будды Медицины.

Шан Сяньван первым направился в Зал Будды Медицины.

Шан Сюэянь же, не заходя пока в Зал Будды Медицины, сначала направился в Зал Гуаньинь. Выйдя оттуда, он сначала поклонился в Зале Будды Медицины справа, а затем двинулся к Залу Небесных Царей, обращённому на запад. Войдя в Зал Будды Медицины, Шан Сяньван мельком заметил чёрную фигуру, мелькнувшую за боковой дверью.

После того, как Шан Сюэянь воздал должное бодхисаттве, он поместил в большой квадратный котёл посреди двора три благовонные палочки, в которых осталось не более половины. Он сделал это с особой тщательностью, расположив их ровно и красиво. Немного полюбовавшись, Шан Сюэянь ушёл довольный.

В храме росло древнее, тысячелетнее дерево. Говорили, что написав на ленте свои желания и повязав её на нём, можно получить благословение древнего дуба и бодхисаттвы. Шан Сюэянь потратил двадцать юаней на красную ленту, взял лежащую рядом ручку и вывел на ней строку.

Привязав ленту к раскидистым ветвям векового дерева, он сложил руки, благоговейно поклонился и покинул храм Лунсин, спеша к своему электросамокату, чтобы продолжить развозить еду.

Шан Сяньван вышел из Зала Четырёх Небесных Царей и положил три полусгоревшие благовонные палочки в огромную курильницу посреди двора.

Строго вертикально стоящие три палочки выделялись на фоне остальных, расположенных под небольшим углом. Краем глаза он заметил три почти полностью сгоревшие палочки по бокам, почти идентичные тем, что он только что поставил.

Шан Сяньван бросил на них ещё один взгляд, затем обернулся и покинул храм Лунсин. Его помощник уже почтил память бодхисаттв и ждал его в машине.

Шан Сяньван открыл заднюю дверь и сел внутрь. «Куда, господин Шан?» — спросил водитель.

«Обратно в компанию».

Едва Шан Сяньван вернулся в офис и вышел из лифта, как к нему подбежал его помощник Ван Сун и прошептал: «Президент Шан, старый президент Шан здесь и ждёт вас в вашем кабинете».

Старый Шан был старейшиной этого тела. Шан Сяньван направился в кабинет.

Ещё до его появления, Шан Хуаймин каким-то образом узнал о его возвращении. Оперевшись на трость, он ворвался в кабинет и столкнулся нос к носу с Шан Сяньваном.

Покрасившие седины в чёрный, Шан Хуаймин, которому было за семьдесят, встретил своего сына суровым вопросом: «Завтра суд над твоим братом. Ты собираешься выдать ему письмо о прощении или нет?»

Шан Сяньван спокойно ответил: «Я уже отвечал на него много раз. Не буду».

Шан Хуаймин ударил тростью по полу: «Он твой кровный брат! Неужели ты настолько бессердечен, что отправишь его в тюрьму?»

Шан Сяньван равнодушно произнёс: «У меня нет брата, который сбил бы меня машиной».

Шан Хуаймин взбесился: «Разве ты и так не в порядке? Он знает, что был неправ, неужели ты должен был разрушить ему жизнь?»

Шан Сяньван повернулся к Ван Суну: «Ассистент Ван, проводите президента Шана из компании».

Ван Сун шагнул вперёд, но Шан Хуаймин с силой оттолкнул протянутую руку: «Убирайся отсюда, мне что, нужно, чтобы меня ещё и провожали?» Он гневно уставился на Шан Сяньвана, который уже погрузился в работу с документами, и яростно продолжил: «Твой брат давно говорил, что ты приносишь несчастье родителям и бессердечен к родне. Я думал, он тебя оклеветал. Если бы я знал, что ты способен принести смерть родителям и быть змеей по отношению к собственному брату, я бы задушил тебя ещё при рождении».

Шан Сяньван даже не поднял глаз, его взгляд был прикован к экрану компьютера.

Холодный белый свет отражался от его бесстрастного лица. Он снова обратился к Ван Суну: «Проводите президента Шана». Шан Хуайминь долго и зло проклинал Шан Сяньвана, но, видя, что тот непоколебим, в ярости удалился, опираясь на трость.